

Светлана М. Толстая
Институт славяноведения РАН
Москва

Палитра чувств в зеркале языка

«Видеть музыку, слышать танец»
(кредо Дж. Баланчина)

«Посмотри, как вкусно,
попробуй, как красиво»
(рекламный щит в московском метро)

Речь идет о пяти главных чувствах – зрении, слухе, осязании, обонянии, вкусе, т. е. о тех способностях и состояниях человека, которые определяются действием специальных органов человеческого тела – это глаза, уши, кожа, нос и язык. С помощью этих органов человек воспринимает свойства объектов внешнего мира, поэтому эти виды восприятия иногда называются внешними чувствами в отличие от внутренних ощущений и чувств, т. е. восприятия того, что происходит внутри человека (например, чувства боли, жажды, голода) или между людьми (например, чувства обиды, зависти, уважения и т. п.). Их называют также физическими в отличие от физиологических (боль, голод), психологических (обида, зависть), эмоциональных (радость, страх), ментальных (гордость, ответственность, вина) ощущений и состояний. Все люди в норме обладают этими способностями и состояниями, и, казалось бы, никаких особенных различий в этом отношении между разными языками и культурами не должно быть. Тем не менее это не так – культура и язык накладывают весьма сильный отпечаток на восприятие мира органами чувств, на трактовку этих способов восприятия, на их разграничение и иерархию. Дальше я постараюсь на некоторых (самых простых) примерах показать особенности трактовки этих чувств в русском и других

славянских языках, обращая внимание на различия между ними. Изложение будет состоять из двух частей. Сначала будет рассмотрена сфера чувственно-го восприятия «извне» – как одна из «систем человека» (термин Ю. Д. Апресяна), как составная часть единого пространства внутреннего мира человека, а затем – «изнутри», т. е. соотношение разных видов чувственного восприятия друг с другом и явление синестезии чувств, т. е. отсутствия четких границ между ними с точки зрения языка.

Начнем с базовых терминов *чувство* и *чувствовать*. Прежде всего мы заметим, что по отношению к зрительному, слуховому, осязательному, обонятельному и вкусовому восприятию в русском языке слово *чувство* по существу не употребляется. Оно употребительно только для книжного выражения *органы чувств*. Но мы не говорим *чувство зрения*, *чувство слуха* и т. д. Слово и понятие *чувство* оказывается слишком широким в своей семантике, для него более естественно употребление по отношению к другим видам или сторонам внутреннего мира человека, а именно – к области физиологических ощущений (чувство голода, жажды, боли, жара, головокружения, тошноты и т. п.), к области эмоциональных состояний (чувство бодрости, радости, раздражения, печали, грусти, тревоги, страха и т. п.), к особой области так называемых эмоций-отношений (чувство любви, восхищения, неприязни, ненависти, вражды, зависти, дружбы, родства и т. п.), наконец, к области ментальных состояний (чувство долга, ответственности, чувство нового и т. п.). Поскольку все эти разные состояния могут в русском языке обозначаться общим словом *чувство*, то семантический объем этого слова оказывается очень широким; вместе с тем, эта широта показывает непрерывность мира человеческих чувств, их единство.

Однако все названные сферы восприятия, объединяемые словом и понятием *чувство*, разграничиваются по другим языковым признакам, по их сочетаемости с другими единицами словаря. Об этом здесь нет возможности говорить подробно, ограничусь несколькими примерами. Мы можем сказать и *чувство голода* и *ощущение голода*, но мы вряд ли скажем *ощущение любви*, *ощущение ответственности*, *ощущение долга* (при нормальном *чувство ответственности*, *долга*). Мы говорим *сознание долга*, но не *сознание боли*, мы можем *питать отвращение*, но не *печаль*, и т. д. Таким образом, каждая сфера внутреннего мира человека имеет свои средства и способы выражения. Тем не менее единство всех этих «внутренних» сфер человека (т. е. его физического, физиологического, эмоционального и ментального состояния), выражающееся в русском языке посредством единого слова *чувство*, находит отражение и в других сторонах лексической семантики, в частности, в системе регулярной многозначности лексики чувств, способной обозначать состояния разного типа (ср. физиологиче-

скую жажду и жажду знаний, интеллектуальный голод, головокружение от успехов, раздражение кожи и раздражение как эмоциональное состояние и т. п.).

Русское (русско-церковнославянское) слово *чувство* восходит к праславянскому глаголу **čuti* со значением ‘чувствовать, замечать, распознавать’, т. е. глаголу с первоначальной синкретичной чувственно-ментальной семантикой, имеющему в других и.-е. языках лексические соответствия с разнообразными «чувственными» значениями: греч. κούω ‘замечать’ и ἀκούω ‘слышать’, др.-инд. *kaví* ‘ясновидец, мудрец, поэт’, др.-в.-нем. *scouwōn* ‘смотреть’ и т. д. – и восходящему к и.-е. *(s)*keu-* (ЭССЯ, т. 4: 135–137; SP, т. 2: 295–297). Праславянское значение реконструируется как синкретичное ‘чувствовать, ощущать, распознавать’, однако в отдельных славянских языках представлены также и специализированные значения: болг. *чуя*, *чувам* ‘слышать, слушать’ и далее – ‘стеречь, охранять, защищать’ и ‘ходить, ухаживать (за кем-нибудь)’; то же семантическое развитие показывают сербскохорватский, македонский и словенский языки. Другая линия семантической деривации характерна для западнославянских языков: чеш. *čítí* ‘чуять’, ‘чувствовать, ощущать’ и ‘предчувствовать’, в.-луж. *čuć*, *čuwac* ‘чувствовать, ощущать’, ‘чуять, нюхать’, ‘пробовать на вкус’; пол. *czuć* ‘чувствовать’. В восточнославянских языках этот глагол получил разное семантическое развитие: др.-рус. *чути* ‘чувствовать, ощущать’, ‘слышать’, ‘знать, сознавать’; рус. *чуять* ‘ощущать, познавать чувствами, преимущественно обонянием’, однако диал. ‘слышать’, ‘обонять’, ‘понимать’, укр. *чути* и бел. *чуць* – ‘чувствовать, чуять’ и ‘слышать’. Мы видим, что славянские языки в целом сохраняют семантический потенциал праславянского глагола и покрывают весь спектр значений – от физических и физиологических до сугубо ментальных (‘понимать, сознавать’) – и, таким образом, тоже подтверждают «единство» всего мира чувств человека; вторично они развивают новые значения (как ю.-слав. ‘беречь, хранить’, ‘ухаживать’). Итак, основные значения праслав. **čuti* ‘получать разные чувственные впечатления, особенно слуховые’, ‘осознавать’ в славянских языках:

- ст.-слав. **чоути** ‘чувствовать, ощущать, замечать, узнавать’
- болг. *чуя*, *чувам* ‘слышать, слушать’, ‘стеречь, охранять, защищать’, ‘ходить, ухаживать (за кем-нибудь)’, диал. ‘слышать’
- макед. *чуе* ‘слышать’
- с.-х. *чути* ‘слышать, слушать’
- словен. **čuti* ‘слышать’, ‘бодрствовать’
- чеш. *čítí* ‘чуять’, ‘чувствовать, ощущать’ и ‘предчувствовать’
- словац. **čut* ‘слышать’

в.-луж. *šić, šiwaś* ‘чувствовать, ощущать’, ‘чуют, нюхать’, ‘пробовать на вкус’

пол. *szuć* ‘чувствовать’ (особенно об обонянии); ст.-пол. ‘бодрствовать’, ‘знать, сознавать’

др.-рус. **чути** ‘чувствовать, ощущать’, ‘слышать’, ‘знать, сознавать’

рус. *чують* ‘ощущать, познавать чувствами’, диал. ‘слышать’, ‘обонять’, ‘понимать’

укр. *чути* ‘слышать’ и ‘чувствовать, чуют’

бел. *чуць* ‘слышать’, ‘чуют, чувствовать’

В южнославянских языках для обозначения чувственного восприятия, кроме дериватов праславянского глагола **čuti*, используется лексика еще одного гнезда – праславянского глагола **sětiti* (*se*) с тем же общим значением ‘чувствовать, ощущать’:

болг. *сетя, сещам* ‘чувствовать, почувствовать’ и ‘разбирать, понимать’, ‘припоминать, напоминать’, *сещам се* ‘догадываться’, *сетивни органи, сетиво* ‘орган чувства’, *усет* ‘чутье’;

с.-х. *сетити се* означает ‘вспомнить, припомнить’ и ‘догадаться’, но *осетити* означает ‘почувствовать, ощутить’, ср. *осет, осећај* ‘ощущение, чувство, внешнее восприятие’;

макед. *сети* ‘чувствовать’, *усет* ‘ощущение, чувство’, ‘нюх’, *сетило, сетила, сетиво* ‘орган чувства’ и – *чувство, чуло* (книжн.), ср. *сетило за вкус* и с.-х. *чуло укуса*.

словен. диал. *setiti se* ‘вспомнить’, *posetiti* ‘посетить’, устар. *poset* ‘визит, посещение’.

Этимология глагола **sětiti* (*se*), предложенная в словаре Скока и принятая в БЕР, возводит его к и.-е. форме **soi-to* с семантикой колдовства, чародейства и сопоставляет его с кельтским и ст.-норд. словами со значением ‘колдовать, чары’ (БЕР, т. 6: 628; Skok, т. 3: 252). Эту этимологию, однако, не принимает Безлай, который связывает славянский глагол с и.-е. **sueti-* ‘гость’ (Bezljaj, т. 3: 231). Но для нас важно то, что мы видим снова, что понятия чувственной и ментальной сферы обозначаются в разных языках одними и теми же словами.

В сербскохорватском и словенском главным способом обозначения органов физического восприятия все же оказываются дериваты глагола **čuti*: с.-х. *чула* ‘органы чувств’ (*чуло вида, слуха, мириса, укуса, пипања*), словен. *čutnica* ‘орган чувства’ (*slušne, vidne, vonjavne čutnice, čutnica za okus*), в то время как состояния более высокого уровня выражаются словом **čustvo*:

materinsko čustvo, prijateljsko čustvo, čustvo hvaležnosti, ljubezni, čustvo groze и т. д.

В западнославянских языках для выражения общего значения ‘чувство’ используется лексика ментального круга: пол. *zmysł (zmysł słuchu, wzroku* и др.), чеш. *mysl, orgány smyslové* ‘органы чувств’, т. е. слова, связанные с понятием мысли, мышления; но также и дериваты глагола **čuti*: в чешском *čidlo* ‘орган чувств’, в польском *czucie* ‘ощущение, чувство’, ср. укр. *почуття, органи почуттів*; бел. *пачуццё, органы пачуццяў – пачуццё зроку, слыху, смаку, нюху, дотьку*.

Как видим на примере слова и понятия *чувство*, язык тем или иным способом, в большей или меньшей мере стремится выразить общность внутреннего мира человека, мира его ощущений и чувств, его «непрерывность», нестрогую дискретность отдельных видов восприятия и состояний и даже не абсолютную разграниченность сферы чувственного, эмоционального и ментального.

Ту же особенность языковой концептуализации мы можем наблюдать на примере глагольных обозначений ощущений и чувств человека. Понятие ‘чувствовать’ (и ‘чувство’) является одним из четырех фундаментальных, неопределяемых предикатов, относящихся к внутреннему миру человека. Это 1. «мыслить», 2. «знать», 3. «хотеть» и 4. «чувствовать» (кроме них среди «систем человека» есть только физические действия и «деятельность», включая речь). Иначе говоря, любая словарная или иная дефиниция лексики внутреннего мира человека должна включать в качестве основы (вершины толкования) одно из этих понятий. При этом ‘чувствовать’ в данном случае понимается максимально широко и покрывает собой весь спектр чувственно-эмоциональных, психологических и интеллектуальных переживаний и состояний человека.

В русском языке основными предикатами чувственных состояний являются *чувствовать, ощущать* и *испытывать* (более ограниченно – *питать*). Сочетаемость этих глаголов лишь отчасти соответствует разным видам состояний, о которых говорилось выше. Например, глагол *ощущать* скорее относится к области физических и физиологических состояний (*ощущать прикосновение, тепло, вкус, запах* и т. п.), но может применяться и к более «высоким» сферам, например, *ощущать свою вину, ответственность, ощущение опасности*, но не **ощущение долга* или **ощущение ненависти*. Глагол *чувствовать*, как и слово *чувство*, носит универсальный характер и в принципе может применяться к любым состояниям, хотя он ограниченно применим к «нижним» уровням. Подобно тому, как мы не говорим **чувство зрения* или **чувство слуха*, точно так же мы не говорим **чувствовать свет* или **чувствовать звук, шум, стук* (для этих видов восприятия существуют

специализированные глаголы *видеть* и *слышать*), хотя можем *чувствовать прикосновение* или *тепло*, можем *чувствовать вкус пищи* (о них говорится также *ощущать*). Следовательно, здесь границы видов восприятия и состояний не совпадают с границами сочетаемости (в данном случае граница сочетаемости проходит внутри сферы «внешнего», физического восприятия). Глагол *испытывать* также не обслуживает область физического восприятия (мы не говорим **испытывать звук, вкус* или *запах*), он оказывается синонимичным глаголу *чувствовать* в некоторых более «высоких» сферах: хотя мы говорим *испытывать жажду, боль, зуд, мучения* и т. п., но более характерным употреблением следует признать – *испытывать симпатию, неприязнь* и т. п. «чувства-отношения».

При этом глаголы с ограниченной сочетаемостью – *ощущать, испытывать* и тем более *питать* – имеют каждый свои семантические особенности, отличающие их от универсального *чувствовать*. Так, *ощущать*, как кажется, может выражать меньшую степень (по времени или интенсивности) состояния, чем *чувствовать* (ср. *чувствовать голод* и *ощущать голод*); тем более различны в этом отношении *чувствовать* и *испытывать* (ср. *чувствовать голод* и *испытывать голод* – в первом случае моментальное состояние, во втором – как моментальное, так и длительное). Кроме того, *испытывать* может почти утрачивать чувственный компонент (ср. *испытывать нехватку чего-н.*), впрочем, и в выражении *чувствовать нехватку чего-н.* Этот компонент ослаблен (здесь *испытывать* и *чувствовать* по существу означают ‘осознавать’). О различии глаголов-синонимов *испытывать* и *питать* писал Ю.Д. Апресян:

Во-первых, *питать*, в отличие от *испытывать*, сочетается исключительно с именами внутренних ментальных или эмоциональных состояний человека; нельзя, например, **питать боль, голод, жажду, зуд, колотье, мучения, покалывание в боку; *питать возжеление, похоть; *питать лишения, нехватку, крайнюю нужду*. Во-вторых, *питать* сочетается преимущественно с именами так называемых чувств-отношений, т. е. слов типа *доверие, любовь, ненависть, презрение, уважение* и т. п., описывающих эмоциональное или ментальное отношение субъекта к какому-то другому человеку или явлению (Апресян 2006: 103).

Таким образом, и на примере имен *чувство, ощущение*, и на примере глаголов *чувствовать, ощущать, испытывать, питать* мы видим, что интересующая нас сфера «внешнего», «физического» восприятия (с помощью органов чувств) оказывается составной частью более общей системы, иерархически организованной и включающей следующие уровни (от низших к высшим):

1. физическое восприятие и состояние – предикаты – *воспринимать* (глазами, ушами и т. д. или зрением, слухом и т. д.), «конкретные» предикаты: *смотреть, видеть, слушать, слышать, касаться, обонять* и т. д., предикаты ‘обладания’ (способностью): *иметь, обладать, терять* (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус);
2. физиологическое состояние (боль, голод, жажда) – предикаты: *чувствовать, ощущать, испытывать*;
3. эмоциональное состояние (радость, гнев, раздражение, страх) – предикаты: *чувствовать, ощущать, реже испытывать*;
4. психологическое состояние (любовь, ненависть, зависть, стыд) – предикаты: *чувствовать, испытывать, питать*;
5. ментальное состояние (долг, ответственность, вина) – предикаты: *чувствовать, сознавать, реже ощущать*.

Особое место занимают ситуации ‘желания’: *чувствовать желание, нужду, потребность, необходимость* по существу уже не относятся к чувственной сфере и приближаются к семантике чисто ментальной и волитивной (‘сознавать’ + ‘желать’).

Это, так сказать, внешняя рамка, контекст, в который входит область пяти главных чувств, составляющих нижний уровень всей чувственно-эмоционально-психологически-ментальной конструкции (модели) внутреннего мира человека. При этом в разных языках, в том числе и в разных славянских языках, границы между этими сферами не совпадают. Интересующая нас сфера физического восприятия неотделима (с точки зрения языка) от этих других сфер в том смысле, что одни и те же слова и выражения могут использоваться для обозначения понятий, относящихся к разным сферам.

Теперь сосредоточимся на «нижнем» уровне, имея в виду внутренние отношения между разными видами чувственного восприятия. Здесь мы имеем «общие» имена типа *зрение, слух, осязание, обоняние, вкус*. Они означают прежде всего **способность** человека воспринимать мир соответствующими органами чувств (но также, как показала Е. В. Урысон, могут обозначать нечто вроде «внутреннего органа», о чем ниже). Посмотрим, как эта способность обозначается в других славянских языках (базовая лексика):

	чувство ощущение	орган чувств	зрение	слух	осязание	обоняние	вкус
рус.	чувство ощущение	диал. чуло	зрение диал. вид	слух	осязание	обоняние	вкус
укр.	почуття відчуття	органи чуттів	зір	слух	дотик	нюх	смак
бел.	пачуццё адчуванне	органы пачуццяў	зрок	слых	дотык	нюх	смак
пол.	zmysł uczucie czucie	narządy zmysłów	wzrok	słuch	dotyk namięcanie	węch powonienie	smak
чеш.	mysl pocit	smyslové orgány čidlo	zrak	sluch	hmat	čich	chut'
словац.	zmysel cit, vjem	čudlo	zrak	sluch	hmat	čuch	chut'
болг.	чувство усещане	сетиво	зрение	слух	осезание усещание	обоняние нюх	вкус
макед.	осет чувство чуло	сетило чуло	вид	слух	допир	сетило осет за мирис	вкус
с.-х	осет осећај	чуло осетило	вид	слух	опип	њух	окус
словен.	čut	čutnica čutilo	vid	sluh	tip	čut za vonj	okus

Мы видим, что даже эти несколько искусственные слова демонстрируют разные модели номинации (по диалектам эти различия еще заметнее). Самым устойчивым оказывается обозначение слуха (единый способ номинации во всех языках), все остальные названия заметно варьируют, в особенности это характерно для лексики осязания, что свидетельствует о достаточно позднем формировании соответствующих абстрактных понятий.

Но далее нас будут интересовать не столько языковые обозначения разных способов чувственного восприятия и состояний человека, сколько то, что эти способы (и соответствующие органы) в языковом представлении неравноправны, что в свою очередь отражает неодинаковую роль разных видов восприятия в жизни человека. Обычно и лингвисты, и психологи на первое место ставят зрение. К. Мошинский в своей книге *Kultura ludowa Słowian*, ссылаясь на психолога Горовского, говорит: «Człowiek jest wzrokowym zwierzęciem» («Человек – это зрительное животное», Moszyński 1967: 84), в отличие от многих животных, для которых на первом месте стоит слух и нюх, обоняние. В этом убеждены и лингвисты. Ю. Д. Апресян, характеризуя систему восприятия и ее подсистемы, соглашается с общим мнени-

ем, что главной подсистемой является зрение. «За ней следует слух, затем обоняние, вкус и осязание, хотя относительный порядок трех последних не столь очевиден, как первых двух» (Апресян 1995: 363). Подтверждением этого может служить, во-первых, число обслуживающих каждую подсистему лексем (наиболее разнообразна и богата лексика зрительного восприятия, затем идет слуховое, остальные виды восприятия еще беднее в лексическом отношении); во-вторых, подсистемы зрения и слуха особенно богаты метафорами типа *теплые (холодные) краски, острые звуки, сладкие речи* и т. п., поскольку «словарь именно этих систем обслуживает наибольшее число коммуникативных ситуаций и скорее всего изнашивается от постоянного употребления» (там же: 354). Е. В. Урысон, сравнивая высказывания с глаголами *видеть* и *слышать*, показывает, что ситуации, которые можно воспринимать и зрением, и слухом, всегда могут быть описаны с помощью глагола зрения и не всегда – с помощью глагола слуха; если есть хоть какие-то указания на визуальные характеристики, то обычно их

достаточно для того, чтобы слуховая ситуация сдвинулась в сторону зрительно-слухового класса. Выбор именно такого преломления действительности в языковой картине мира имеет, разумеется, внелингвистическую основу. В этом преломлении отражается безусловное доминирование зрения над всеми остальными органами чувств человека (Урысон 2003: 150).

Следствием такого «неравноправия чувств» оказывается то, что лексика главных чувств (зрения и слуха) используется для называния «менее главных», например, о запахе во многих языках говорят «слышать», так же иногда обозначают тактильные ощущения (ср. рус. диал. *слыхать в руке*, т. е. ‘ощущать’: «Портяные нитки, своедельные, слыхать хорошо в руке, они толстые» – СРНГ, т. 38: 325). С другой стороны, лексика зрения особенно легко «уходит» в высокие сферы внутреннего мира, прежде всего в сферу ментальную: *видеть* означает также ‘понимать, сознавать’ (*Я вижу, что времени мало*), выражения *посмотрим, увидим* часто вовсе не предполагают зрения; *слушать* и *слушаться* в значении ‘выполнять указания, подчиняться’ тоже уже отрываются от исконной звуковой семантики и переходят в сферу поведения и взаимоотношения людей; *касаться, затрагивать* (с первоначальной «тактильной» семантикой) широко употребительны вне чувственной сферы (*касаться важных вопросов, затрагивать национальное чувство* и т. п.) и т. д. Как показывают южнославянские языки, глаголы чувственного восприятия могут «уходить» не только в ментальную сферу, но и в сферу действий и поведения, ср. развитие **čiti* от обозначения способности – ‘чувствовать, чутать, слушать’ к семантике действия – ‘бодрствовать, охранять,

защищать' и 'ухаживать (за детьми, больными)', ср. рус. *смотреть* за детьми, больными), см. Младенов (2008).

Чешский этимолог В. Махек замечал: «Язык не придерживается точности в описании чувств и часто употребляет одни и те же выражения для разных перцепций» (Mašek 1955: 22). Можно сказать и наоборот: для одних и тех же ситуаций в разных языках могут использоваться разные коды, ср. рус. *прислушиваться к общественному мнению* – слуховой код и с.-х. *обазрети, обазирати на јавно мњење* – визуальный код (ср. рус. *с оглядкой на общественное мнение*). Неравноправие разных видов физического восприятия выражается еще и в том, что они неодинаково лексически оснащены в языке. В одних языках все пять видов восприятия имеют собственные обозначения и обладают, так сказать, равным положением в языке, одинаковой представленностью в лексике и фразеологии; в других же – особым образом называется только зрительная способность, а все остальные обозначаются одним словом с общим значением чувственного восприятия; третьи занимают промежуточное положение. С другой стороны, в случае одних перцепций язык имеет особые наименования для всех или большинства компонентов ситуации восприятия, а в случае других обнаруживает значительные лакуны. Чтобы это показать, надо обратиться к структуре ситуации чувственного восприятия, обозначаемой языком.

Эта ситуация включает следующих участников:

1. Субъект восприятия – тот, кто видит, слышит, осязает, воспринимает запах, ощущает вкус.
2. Орган восприятия: глаз, ухо, тело (кожа), нос, рот (язык). Е. В. Урысон (2003: 84) считает «невидимыми» органами также зрение (взгляд), слух и обоняние, но не осязание и вкус. Слова, обозначающие орган восприятия, могут в то же время обозначать способность восприятия. Ср. выражения *на глаз, на слух, на оцупь, на вкус* (где *глаз* ≈ зрение, *уши* ≈ слух, «*оцупь*» и *вкус* – как бы невидимые органы), так же как и обратно, ср. рус. диал. *нюх 'нос'*: «Нюх ему разбил» (СРНГ, т. 21: 329).
3. Предикат ситуации, т. е. само восприятие. Здесь возможны два случая, различие между которыми очень важно, однако оно для одних ситуаций восприятия выражается обязательно, для других не выражается. Речь идет об активном «действии» и пассивном «состоянии». Это различие отражено в противопоставлении глаголов *смотреть* (активное восприятие) и *видеть* (пассивное состояние), *слушать* (активное действие) и *слышать* (пассивное состояние). Это различие релевантно для всех ситуаций, но выражается оно по-разному в разных языках: в одних случаях есть специальные глаголы для активного и пассивного предиката, в других их нет; в одних случаях более важным оказывается ак-

тивный глагол, в других – глагол, обозначающий состояние. Так, для осязания активными предикатами будут *трогать*, *щупать*, *касаться* (эти действия необходимы для восприятия температуры, фактуры, влажности и др.) при пассивном неспециализированном *чувствовать*, *ощущать* (ср. *чувствовать тепло руки*, *ощущать мягкость ткани*); для обоняния активный предикат – *нюхать* и *вдыхать*, а пассивный – *чувствовать*, *воспринимать запах* (т. е. специальный глагол отсутствует). Наименее полна парадигма вкусового восприятия: активным здесь является глагол *пробовать* (пол. *smakować* в одном из значений, болг. *вкусвам*, *опитам/опитвам*), тогда как специального пассивного глагола со значением ‘ощущать вкус пищи’, кажется, нет ни в одном славянском языке. Уже эта картина показывает неравноправность физических ощущений. Наличие активных предикатов отличает физический уровень от остальных, более высоких сфер восприятия и внутреннего состояния, в которых представлены только «пассивные» состояния.

4. Четвертым участником ситуации является, конечно, объект восприятия, т. е. то, на что смотрят, что слышат, осязают, нюхают или вкушают. Здесь приходится различать два вида объектов: во-первых, непосредственно воспринимаемый чувственный стимул, т. е. некоторое свойство объекта (свет, звук, фактура, запах, вкус), а во-вторых, сам воспринимаемый предмет в его целостности. Мы видим, что в русском языке есть специальное обозначение стимула для зрения (*свет*), для слуха (*звук*), для обоняния (*запах*), а для осязания используется приблизительное и необязательное понятие «фактура» или конкретные физические свойства – температура, влажность и т. п., для вкуса как «стимула» используется общее видовое название (ср. *потерять вкус* и *чувствовать вкус* – в первом случае способность, во втором – вкусовые свойства). В других языках это может быть иначе.
5. Еще одним участником общей ситуации восприятия оказывается, условно говоря, предикат (свойство) объекта как источника («субъекта») соответствующего стимула. Чтобы слушать или слышать что-либо, нужно, чтобы объект издавал звук, звучал; чтобы его видеть или на него смотреть, нужно, чтобы он был виден (чтобы у него был *вид*); чтобы воспринимать объект осязанием, нужно, чтобы он пришел в соприкосновение с вашим телом; чтобы обонять, нужно, чтобы объект источал запах; чтобы воспринимать вкус – нужно, чтобы объект обладал вкусовыми качествами (имел вкус). Здесь мы снова сталкиваемся с тем, что для ситуации слуха есть специальный глагол (условно – предикат объекта) *звучать* (его более «активный» вариант – *доноситься*), для

обоняния – специальный глагол *пахнуть* (более «активный» вариант – стилистически окрашенное *шибать в нос*), для осознания и вкуса такого «активного» глагола воздействия нет (ср., однако, *обдавать жаром*, *колоть* и т. п., предполагающие квазиактивное действие объекта восприятия). Опять же в других языках это может быть по-другому. Например, в болгарском глагол *мириша* означает и ‘нюхать’ (т. е. предикат субъекта восприятия со значением активного действия), и ‘пахнуть’ (т. е. предикат объекта восприятия со значением пассивного состояния объекта).

Заметим, что нет специального предиката и для объекта зрения (в самом деле, о нем мы можем сказать только то, что он виден). Это свойство зрительной ситуации неслучайно. В исследованиях не раз отмечалось, что слух и зрение (как два основных вида восприятия) разнонаправлены: когда мы слушаем и слышим, звук идет от объекта к субъекту восприятия, а когда мы смотрим и видим, от объекта ничего не исходит, наоборот, глаз человека как бы устремляется в сторону объекта. Тем не менее в русском языке есть «квазиактивный» предикат зрения – *бросаться в глаза* (ср. также *выделяться*, *выступать из тьмы* и т. п.). Квазиактивный – потому, что эти выражения характеризуют не столько активность объекта, сколько восприятие объекта субъектом.

В отношении числа объектов-стимулов выделяется осознание как более сложная, множественная форма восприятия. Если у зрения это однородные визуальные стимулы – свет, цвет, размер, форма, у слуха – акустические: звук, шум, у обоняния – только запах, у вкуса – вкус, то у осознания – это и температура (*теплый*, *холодный*, *горячий*), и влажность (*сухой*, *сырой*, *мокрый* и т. п.), и фактура (*гладкий*, *шершавый*, *колючий*), и материал (*шелковый*, *деревянный*, *железный*, *стеклянный* и т. п.), и консистенция (*твердый*, *мягкий*, *пышный*) и др. В отношении же предметов-стимулов на первом месте, безусловно, стоит зрение, посредством которого человек способен воспринимать любые предметные объекты, в том числе и звучащие, и осозаемые, и пахнущие, и имеющие вкус. По словам Е. В. Урысон,

с точки зрения восприятия предметы образуют всего один – зрительный – класс. <...> Вещам противопоставляются звуки, ср. щебет, свист, шорох, скрип, хруст, гул, гуд, дробь (барабана) и т. п. Они образуют слуховой класс (Урысон 2003: 153).

Иначе говоря, согласно такому представлению, у зрительного восприятия есть только предметный объект, а у остальных видов – только объект-стимул (звук, запах, вкус).

Таким образом, парадигма чувственной сферы в русском языке выглядит следующим образом (схематично):

участники ситуации	зрение	слух	осязание	обоняние	вкус
субъект восприятия	человек животное <i>зритель</i>	человек животное <i>слушатель</i>	человек животное	человек животное	человек животное
орган восприятия	глаз	ухо	тело (кожа)	нос	рот (язык)
активный предикат	<i>смотреть</i> <i>глядеть</i>	<i>слушать</i>	<i>касаться</i> <i>трогать</i> <i>щупать</i>	<i>нюхать</i>	<i>пробовать</i>
предикат состояния	<i>видеть</i>	<i>слышать</i>	<i>ощущать</i>	<i>обонять</i> <i>чувствовать</i> запах	<i>чувствовать</i> вкус
объект-стимул	вид (цвет, форма, размер)	звук шум	фактура, температура и др.	запах (аромат, вонь, смрад)	вкус (соль, сладость, кислота)
объект-предмет	любой видимый объект	любой звучащий объект	любой физический объект	любой объект, имеющий запах	пища, растение
предикат объекта	<i>быть</i> <i>видимым</i> <i>светиться</i> <i>белеть</i>	<i>издавать</i> звук <i>звучать</i> <i>скрипеть</i>	быть теплым, влажным, твердым и т. д.	<i>пахнуть</i> <i>смердеть</i> <i>вонять</i>	быть соленым, кислым, терпким и т. д.

Мы видим, что наиболее заполненной оказывается парадигма слуха, для которой почти все выделенные признаки релевантны. Остальные парадигмы в большей или меньшей степени ущербны (наименее ущербны в этом отношении зрение и обоняние, наиболее – вкус).

Лексика восприятия включает, конечно, не только базовые категориальные понятия физического восприятия, но и огромный массив слов, в которые эти понятия входят как составная часть, образуя ядро их семантики. Мы не можем определить значения прилагательных *темный, красный, яркий, высокий, круглый, слепой* и т. п. без обращения к понятию зрения, прилагательных *мягкий, толстый, жирный, острый, горячий* и т. п. – без обращения к понятию осязания; *кислый, соленый, пресный, вяжущий* – без обращения к понятию вкуса и т. д. Кроме того, очень многие глаголы и их дериваты включают в себя основные понятия перцепции и не могут быть определены без обращения к неопределяемым понятиям ‘чувствовать’, ‘ощущать’. Е. В. Падучева в своей книге привела большой список глаголов (более 250), которые она определила как тематический класс восприятия и которые с необходи-

мостью включают семантический компонент того или иного вида чувственного восприятия (зрения, слуха и т. д.). К ним отнесены, например, *белеть*, *вообразить*, *встретить*, *заметить*, *исчезнуть*, *обнажить*, *наткнуться*, *показаться*, *проступать*, *появиться*, *прозевать*, *раздаться*, *умолкнуть* и т. д. (Падучева 2004). Заметим, что большая часть таких глаголов отсылает к зрительному коду. Язык других подсистем восприятия значительно беднее. Так, у подсистемы обоняния фактически нет своего словаря:

Для обозначения элементарных запахов используется метафорически переосмысленная номенклатура элементарных вкусов, ср. *сладкий* <*горький*, *кислый*, *соленый*> *запах*. Более сложные запахи, особенно острые, обозначаются либо с помощью соответствующих вкусовых терминов (ср. *терпкий* <*пряный*> *запах*, *приторный запах*), либо через отсылку к предмету с характерным запахом (ср. *грибной запах*, *запах горького миндаля*, *хвойный запах* и т. п.). Собственно «обонятельными», не заимствованными, являются только оценочные прилагательные типа *вонючий*, *ароматный*, *душистый* и т.п. (Апресян 1995: 366).

С точки зрения лингвистики, заслуживают внимания как семантика и узус слов со значением чувственного восприятия (зрения, слуха, обоняния, осязания, вкуса), так и вторичные денотативные сферы, обслуживаемые этой лексикой, в том числе метафорические (ср. *черные мысли*, *светлая голова*, *острый слух*, *горькое раскаяние*, *кислая мина*, *сладкие звуки*, *художественный вкус*, *мягкий характер*, *теплый взгляд*, *громкое имя* и т. п.). Подобные метафорические употребления, так же как обозначения разных видов восприятия, одним словом, различные в разных языках, замещение одного кода другим и т. п., считаются проявлением с и н е с т е з и и, т. е. нерасчлененного восприятия разных чувственных сигналов, прежде всего слуховых и зрительных. Этому явлению посвящена большая литература – как психологическая, так и лингвистическая (см. Machek 1955, Judycka 1963, Zaręba 1973, Урысон 2003 и др.).

И. Юдицка среди разных проявлений синестезии выделяет «этимологическую синестезию», приводя в пример лексические единицы, этимологическое значение которых связано с разными видами чувственного восприятия, как, например, рус. *стыд*, пол. *wstyd*, восходящие к праслав. **stud-* ‘холодный’. В этом случае слово с «психологическим» значением скрывает в себе семантику другого, более «низкого», физического вида восприятия – тактильного. Противоположным примером могут служить праславянские **slěp-* и **glux-*, обозначающие во всех славянских языках соответственно зрительное и звуковое восприятие (и развивающие дальнейшие метафорические или метонимические значения типа *слепой текст*, *глухая ссылка*). Эти общеславянские термины зрительного и слухового восприятия первоначально скорее всего

были мотивированы семантикой физических действий типа ‘закрывать’, ‘залепить’ и т. п. (Wojtyła-Świerzowska 1991; Толстая 2007).

Литература

- Апресян Ю. Д., 1995, *Образ человека по данным языка: попытка системного описания*, [в:] его же, *Избранные труды*, т. 2, Москва 1995 [То же в: „Вопросы языкознания”, 1995, № 1].
- Апресян Ю. Д., 2006, *Основа́ния системной лексикографии*, [в:] *Языковая картина мира и системная лексикография*, отв. ред. Ю. Д. Апресян, Москва, с. 31–160.
- БЕР 1971–, *Български етимологичен речник*, ред. Вл. Георгиев (И. Дуриданов, М. Рачева, Т. А. Тодоров), София.
- Младенов 2008 (1974), *Една лексико-семантична изоглоса в българския език: чувам ‘слушам’ // чувам ‘пазя, отглеждам’*, [в:] Младенов М., *Диалектология. Балканистика. Етнолингвистика. Лингвистично наследство*, София, с. 718–723.
- Падучева Е. В., 2004, *Глаголы восприятия*, [в:] ее же, *Динамические модели в семантике лексики*, Москва, с. 197–255.
- СРНГ 1965–, *Словарь русских народных говоров*, составил (с 2 тома гл. ред.) Ф. П. Филин (Ф. П. Сороколетов), Москва : (Ленинград) : Санкт-Петербург.
- Толстая С. М., 2007, *Почему слепой не видит? (К этимологии слав. *slěp-)*, [в:] *Словенска етимологија данас. Зборник симпозијума одржаног од 5 до 10 септембра 2006 године*, уред. А. Лома. Београд, с. 409–419.
- Урысон Е. В., 2003, *Проблемы исследования языковой картины мира. Аналогия в семантике*, Москва.
- ЭССЯ 1974–, *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*, ред. О. Н. Трубачев, Москва.
- Bezljaj F., 1977–2005, *Etimološki slovar slovenskega jezika*, knj. 1–4, Ljubljana.
- Judycka I., 1963, *Synestezja w rozwoju znaczeniowym wyrazów*, „Prace Filologiczne”, t. 18, s. 59–78.
- Machek V., 1955, *Verbes slaves pour dessiner les cinq sens*, „Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity”, A: Řada jazykovědná, roč. 4, č. 3., s. 22–35.
- Moszyński K., 1967, *Kultura ludowa Słowian*, t. 2: *Kultura duchowa*, cz. 1, Warszawa.
- Skok P., 1971–1974, *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, knj. 1–4, Zagreb.
- SP 1974–, *Słownik prastłowiański*, opr. Zespół Zakładu Słowianoznawstwa PAN, red. F. Sławski, Wrocław.
- Wojtyła-Świerzowska M., 1991, *Dlaczego głuchy nie słyszy? Rozważania o etymologii psł. *gluchъ*, „Jужнословенски филолог”, кн. 47, с. 209–220.

Zaręba A., 1973, *Ze słowiańskich zagadnień semantycznych*. ‘Czuć’, ‘słyszeć’, ‘pachnieć’, „Јужнословенски филолог”, књ. 30, св. 1–2, с. 117–124.

Summary

The five sense palette reflected in the language

The paper refers to the ways of categorizing the five senses, i.e. sight, hearing, smell, taste, and the tactile sense, as they are represented in the Slavic languages.

The case of perception involves several participants and several ways of perception: 1) active perception, which is an action in itself (*смотреть* ‘to look’, *слушать* ‘to listen’, *нюхать* ‘to smell, to recognize smell’, *пробовать на вкус* ‘to taste, to experience the flavor of food or drink’, *щупать* ‘to touch’); 2) passive perception, which in itself is a condition (*видеть* ‘to see’, *слышать* ‘to hear’, *ощущать запах* ‘to smell, be able to smell things’, *чувствовать вкус* ‘to taste, be able to experience the flavor of food or drink’, *осязать* ‘to feel’); 3) a perceptive (eyes, ears, nose, skin, tongue); 4) a percept (appearance, sound, smell, taste, texture); 5) perceptive predicates (qualities, capabilities) (*выглядеть* ‘to seem’, *звучать* ‘to sound’, *пахнуть* ‘to smell, to have a particular smell’, *иметь вкус* ‘to taste, to have a particular flavor’, *иметь фактуру* ‘to feel, to have a particular texture’). Whilst in some cases of perception the language contains the vocabulary to describe most – if not all – components of the situation, in other cases it demonstrates the lack of certain words. The only sense that is characterized with a complete paradigm is the sense of hearing (to listen, to hear, listener, sound, to sound) with **čuti* and its derivatives being able to have a general meaning of perception in itself; on the contrary, the vocabulary related to the sense of taste turns out to be the poorest.

On the one hand, the vocabulary of physical perception is universally tied to the lexis of emotions (e.g. *чувство любви* ‘feeling of love’, *чувство отчаяния* ‘feeling of despair’, *чувство долга* ‘sense of duty’ etc); on the other hand, it is connected with the “mental” vocabulary (i.e. *to see* ‘to understand’, ‘to be conscious of’, ‘to think’ etc.). This fact can be interpreted as an attempt to express the “continuity” of the human inner world; the non-strict discretization of certain ways of perception and delimited sensual, emotional, and mental areas by means of the language.

Keywords: perception, sense, sense of sight, sense of hearing, sense of smell, sense of taste, tactile sense, vocabulary, semantics.